

Эльга Лындина

Её крохотная квартирка в Доме ветеранов сцены напоминала каюту, где человек проводит время от одного порта до другого. Но эта каюта стала её последним причалом. Причалом женщины-легенды, которая всю свою жизнь от этой легенды бежала, менее всего претендуя на некую роль в истории отечественной культуры. Между тем её имя мы знали ещё по школьным учебникам. Потому что ей, Веронике Полонской, была посвящена строка в предсмертном письме Владимира Маяковского, вернее – в нём упоми-

помню названия картины. Жаль... Вскоре отец оставил нас с мамой. Потом умер. А я до сих пор вспоминаю Ялту, красивую белую спальню, куда меня привели, – это была декорация. Стрекотала камера. Я не боялась, ведь рядом – папа".

Актрисой была и её мать – Ольга Гладкова, служившая в Малом театре. Снова обращаюсь к "архиву" Полонской – фотографиям на стене. И среди них одна картина. Из тех, которые называют "работой крепостного художника". На картине – кто-то из предков Полонской – усатый барин-гусар. Род её матери – дворяне из Нижегородской губернии, близкая родня декаб-

рова. Здесь его могила". Нестеров – один из первых русских авиаторов, его поймат по знаменитой "петле". Двоюродным братом бабушки был Дмитрий Иванович Менделеев. Так что с Блоком я в свойстве. Но с детства постоянно слышала от мамы: "Никому не рассказывай о наших предках. Арестуют, посадят. Могут расстрелять".

Закончив школу, Вероника Полонская поступила в студию Художественного театра. Вышла замуж за талантливого актёра Михаила Яншина. В двадцать один год она уже играла на мхатовской сцене. В спектакле "Наша молодость" Немирович-Данченко отдал ей одну из главных ролей. Приблиз-

Имя Лили Брик ещё не раз упоминалось в нашей беседе. И в эти минуты Вероника Витольдовна напрягалась, даже чуть привставала: Лиля Брик всё ещё имела над ней власть...

– Лиля Юрьевна была очень талантлива! За что бы она ни бралась. Писала, прекрасно лепила.

Лиля Брик сняла всего один фильм. Картина "Стеклянный глаз" состоит из двух частей. Первая – документальная, демонстрирует возможность Десятой музы, способной всюду проникать, запечатлеть любые события, воспевать, судить. Вторая часть фильма – забавная пародия на американское кино того времени.

«СВОЯ СЕМЬЯ» Маяковского

Вероника Полонская: «Этот год самый несчастный и самый счастливый в моей жизни».

налось её имя: "Товарищ Правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сёстры и Вероника Полонская..."

Я ПРИЕХАЛА К НЕЙ В ЭТУ КОМНАТКУ в начале девяностых – тогда вела в журнале "Экран" рубрику "Свет далёкой звезды". Когда я произнесла в редакции её имя, мне возразили: "Да ведь Полонская звездой экрана не была!" Действительно, не была, точнее – не стала. Отчасти из-за своей природной скромности, а позже – гнетущего страха, который не оставлял её до конца дней. И всё же Полонская успела сняться в картине молодого Пырьева "Конвейер смерти", сыграть вместе с Николаем Баталовым и Михаилом Жаровым в картине "Три товарища" Семёна Тимошенко.

Немного, хотя в театре Вероника Витольдовна проработала долгие годы. В молодости была хороша собой необыкновенно. Женственная, мягкая, она умела уходить на второй план, довольствуясь ролью спутницы незаурядного, яркого мужчины. Так было в её лучших театральных ролях. Так было и в жизни.

Полонская – актриса потомственная. Её отец – "король экрана" (так называли в России премьеров кинематографа) Витольд Полонский. Красавец, герой-любовник лучших немых лент дореволюционного кино, партнёр Веры Холодной и Веры Коралли. На стене гостиной Вероники Витольдовны висела фотография: Полонский, а рядом очаровательная девочка с бантом. "Мне здесь лет восемь, – пояснила Полонская. – Я была с папой в Ялте. Он там снимался. Заодно сняли и меня. Не

рису Михаилу Бестужеву-Рюмину, одному из пяти повешенных.

– Как-то мы с бабушкой ехали из Гурзуфа в Ялту, – вспоминала Полонская. – Неожиданно бабушка сказала: "Остановимся. Надо поклониться праху нашего родственника Петра Несте-

тельно в это время Полонская начала сниматься в фильме "Стеклянный глаз", режиссёрами которого были Лиля Брик и Владимир Жемчужный.

– Каким режиссёром была Лиля Юрьевна? Сама она снималась, но режиссура – другая профессия.

Полонская действительно похожа на заокеанских див, прелестная барышня в белом на борту корабля. Она улыбочка, стремительна, пластична, хотя о великих актёрских свершениях говорить не приходится. И всё же дебют дочери "короля экрана" состоялся. А главное, работа в "Стеклянном глазе" стала для актрисы судьбоносной. Однажды после съёмки в июне 1929 года вместе с мужем Лили Брик, Осипом, Вероника поехала на бега, где они встретили Владимира Маяковского.

– Он был в плаще, в низко надвинутой шляпе, – вспоминала Полонская. – В руках вертел палку. В тот же день мы ещё раз встретились у Валентина Петровича Катаева.

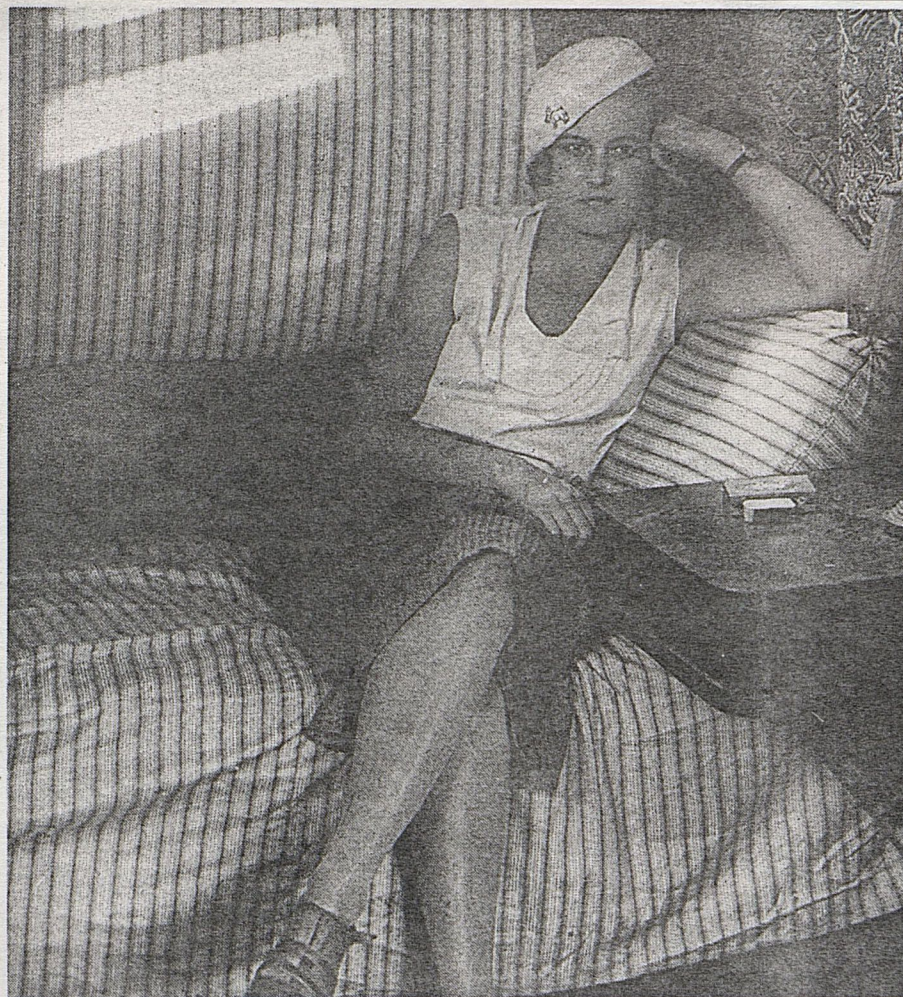
Через девять месяцев в квартире Катаева произойдёт одно из последних объяснений поэта и женщины, которую он называл своей невестой.

– Я робела перед ним. До нашей встречи почти не знала его поэзию. Но когда Маяковский сам начал читать мне свои стихи, была потрясена. Он читал прекрасно, с истинным актёрским талантом.

– С ним было нелегко?

Она помедлила.

– Нелегко. Сложный, неровный характер, как почти у всякого одарённого человека. Случались резкие перепады настроения. К тому же разница в возрасте: мне – двадцать один год, он на 15 лет старше. Относился ко мне как к очень юному существу, скрывал свои неприятности, поэтому многие стороны его жизни оставались для меня закрытыми. Наши отношения осложнялись ещё и тем, что я была замужем. Маяковский ревновал меня, пу-

В. Полонская.

гал, что всё расскажет Яншину. Наставил на разводе.

Минуло лето. Осенью он часто жаловался на усталость, у него портилось настроение, он становился мрачным. Я гадала: вдруг это я в чём-то виновата? Ранней весной мы поссорились, очень серьёзно. Какое-то время не встречались, я решала для себя: кончено... И всё же началось опять. Не снова — это было продолжение, с той же мукой, колебаниями в отношениях. Хотя Маяковский стал называть меня своей невестой.

— Вы знали о его романе с Татьяной Яковлевой?

— Нет. Однажды в феврале 1930 года он впал в тяжёлую хандру и объяснил мне, что это из-за какого-то письма, которое пришло из Парижа. Я ни о чём не расспрашивала. Он продолжал настаивать на моём разводе, записался в кооператив. Этот дом стоит в Камергерском, напротив Художественного театра, но нам не суждено было там жить... Вообще 1930 год начался для Владимира Владимировича скверно. Он болел, а болезни переносил тяжело ещё и из-за своей жуткой мнительности. Потом случился провал его юбилейной выставки. Никто из коллег не пришёл, а он так готовился! Правда, было много молодёжи. Там я впервые увидела его мать, он её очень любил.

Ещё одна неудача — провал спектакля по его пьесе "Клоп". Знаете, пресса и тогда была такой жестокой, немилосердной. Начались разговоры, что Маяковский кончился. Он знал, переживал. И у меня в это время в театре тоже всё как-то не складывалось. Мы долго репетировали, прежде чем показаться Немировичу-Данченко, волновались. И тут Владимир Владимирович стал уговаривать, потом просто требовать, чтобы я ушла из театра. А вот этого я не могла бы сделать ни за что и никогда. Ссоры стали постоянными: начиналось с мелочей, переходило в бури. Одна из последних произошла 12 апреля 1930 года.

— Даже дату помните?

— Как не помнить, если это было за два дня до его смерти? В тот день Маяковский звонил мне в театр, упомянул о своём письме в правительство, о том, что он считает меня "своей семьёй". Я, признаться, тогда ничего не поняла, не думала, что он идёт к смерти. Хотя знала, что Маяковский стрелялся из-за Лили Юрьевны, но револьвер дал осечку.

12-го вечером после спектакля я поехала к нему, просила отдохнуть хотя бы дня два, и он мне обещал. Звонил мне и 13-го. Встретились у Катаевых. Опять объяснение. Сначала — в разговоре, потом стали переписываться в его записной книжке.

— Как Кити и Левин?

— Да нет, они в любви объяснялись, а мы... Боже мой, совсем наоборот. Я вдруг увидела, как он издёрган, измучен. Стала его успокаивать, а он вытащил из кармана револьвер и сказал, что убьёт меня. Навёл дуло... 14 апреля Маяковский заехал за мной и повёз к себе. Я не могла дол-

Боялась вернуться. Потом всё же решилась, вошла, увидела ещё не рассеявшееся облачко от выстрела. Маяковский лежал на полу, на груди — небольшое кровавое пятно. Я бросилась к нему, твердила: "Что вы сделали? Что вы сделали?" Маяковский пытался приподнять голову, потом голова упа-

А. Родченко. «В. Маяковский».

го быть с ним: в половине одиннадцатого начиналась репетиция. Сказала об этом Маяковскому. Он разозлился и запер меня, спрятал ключ в карман. Заговорил о моём уходе из театра. Плакал... Тут пришёл книгоноша. Маяковский открыл ему дверь. Тот понял, в каком мы состоянии, оставил книги и исчез.

Наши споры продолжались, я сказала, что не могу оставить театр. Тогда он попросил меня уйти. Спросила: "Вы проводите меня?" — "Нет. Не могу..." Обещал позвонить. Дал 20 рублей на такси.

Я успела дойти до парадной двери, когда услышала выстрел. Заметалась.

ла, он стал бледнеть. Так страшно бледнеть, бледнеть... Появились какие-то люди, сказали мне: "Бегите, встречайте карету "Скорой помощи". Я побежала, вернулась, а мне говорят: "Поздно, он умер".

— Вы были на его похоронах?

— Нет. В этот день я говорила с Лилей Юрьевной по телефону. Она сказала, что моё присутствие на похоронах нежелательно, я привлеку внимание, пойдут толки. И я не пошла. Потом отказалась от прав на наследство.

— Почему вы на это согласились?

— Я колебалась, но, поверьте, не из практических соображений. Мне казалось, что, отказываясь, я нарушаю по-

следнюю волю дорогого человека. Но Лили Юрьевна сказала, что сестра и мать Владимира Владимировича считают меня причиной его гибели. Когда меня вызвали в Кремль по поводу моих прав на наследство, я сразу согласилась взять взамен путёвку в дом отдыха под Москвой. И обо мне все забыли.

...ЖИЗНЬ ВЕРОНИКИ ВИТОЛЬДОВНЫ, женская, актёрская, на этом не кончилась. Всё же она развелась с Яншиным, вышла замуж, родила сына. Потом ещё раз вышла замуж за актёра Фивейского, отца известного скульптора Фёдора Фивейского. В начале 30-х снималась в кино, всю жизнь играла в театре.

Через 8 лет после гибели Маяковского Полонская написала воспоминания. На это её подвигла Лилия Брик, которая была строгим редактором. Сохранились её пометки.

— Я писала и знала, что мои воспоминания не опубликуют. Представьте, на дворе конец 30-х! Аресты, посадки, смерть. Из Маяковского делают памятник, а я знала его живым. Несчастливым, порой очень слабым. Ранимым, сломанным. Моя рукопись лежала десятки лет, пока в 1988 году со мной не встретилась директор Музея Маяковского и не сказала: "Вы не имеете права молчать". У меня не раз брали рукопись, хвалили, обещали напечатать и... возвращали обратно. Но через полвека всё же напечатали.

— Вокруг смерти поэта не одно десятилетие клубятся слухи...

— Кому-то нужна сенсация, это сейчас модно. Вот её и изобретают. Тревожат тени, привлекают к этому совершенно посторонних людей. Одни просто ничего не знают и выдумывают, другие, возможно, что-то знали, но давно потеряли память, как две соседки Маяковского. Мне от этого больно. Я — последняя, кто видел Владимира Владимировича, говорил с ним. И я не су эту горькую ношу.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ПОЛОНСКАЯ провела в одиночестве. Семья сына уехала в Америку. Помогала ей, звала к себе. Вероника Витольдовна не согласилась: "Я здесь родилась, здесь и умру". На излёте лет встретилась с дочкой Маяковского, живущей в Америке, попросив никого не присутствовать при их разговоре.

Помню, как она, хрупкая, синеглазая, провожала меня до дверей комнаты, в которой жило её прошлое. В воспоминаниях Полонской есть фраза о её любви и встречах с поэтом: "Этот год самый несчастный и самый счастливый в моей жизни". Счастья и несчастья в её судьбе действительно было столько, что достало ей навсегда. Вероника Полонская скончалась в 1995 году, в России, на родине.